
УДК 821.161.1

МАНЬКОВСКИЙ А.В.¹ РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ТУРГЕНЕВ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЭПОХ И КУЛЬТУР : [кол. монография] / отв. ред. М.М. Одесская. – Москва : РГГУ, 2021. – 446 с.
DOI: 10.31249/lit/2022.02.08

Аннотация. Междисциплинарное исследование, подготовленное по материалам Международной научной конференции «Тургенев в межкультурной коммуникации» (РГГУ, 21–22 ноября 2018 г.), представляет собой коллективную монографию или скорее сборник статей, объединенных тремя основными темами: «Тургенев: Россия и Запад», «Проблемы рецепции и интерпретации личности и творчества писателя», «Тургенев и различные виды искусств». Рецензент выделяет наиболее значимые и непохожие друг на друга статьи, выявляя внутренние связи между ними.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; Россия и Запад; Э. Золя; М.-Э. де Вогюз; Т. Манн; Ф.М. Достоевский; Л.И. Шестов; история авторского права; культурный трансфер.

Для цитирования: Маньковский А.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2022. – № 2. – С. 106–118. – Рец. на кн.: Тургенев: на перекрестке эпох и культур: [кол. монография] / отв. ред. М.М. Одесская. – Москва : РГГУ, 2021. – 446 с. – DOI: 10.31249/lit/2022.02.08

MANKOVSKY A.V. Book review: Turgenev: at the crossroads of epochs and cultures.

Abstract. An interdisciplinary study based on the proceedings of the International Scientific Conference «Turgenev in Intercultural

---

¹ Маньковский Аркадий Владимирович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

Communication» (RSUH, November 21–22, 2018) is a collective monograph or rather a collection of articles united by three main themes: «Turgenev: Russia and the West», «Problems of reception and interpretation of the writer's personality and work», and «Turgenev and different arts». This review focuses on some significant and original of the papers highlighting many implicit interrelations between them.

Keywords: I.S. Turgenev; Russia and the West; É. Zola; E.-M. de Vogüé; Th. Mann; F.M. Dostoevsky; L.I. Shestov; the history of copyright; cultural transfer.

To cite this article: Mankovsky, Arkadiy V. “Book review: Turgenev: at the crossroads of epochs and cultures”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2022, pp. 106–118. DOI: 10.31249/lit/2022.02.08

Вот последний отзыв 200-летнего тургеневского юбилея, неожиданно ставший книжной новинкой конца 2021 г. Книга, как сказано во «Введении», создана «на базе материалов Международной научной конференции, проходившей 21–22 ноября 2018 г. в РГГУ (при участии ИМЛИ РАН и ГЛМ)» [2, с. 18]. Название конференции не сообщается, но его можно выяснить на сайте РГГУ: «Тургенев в межкультурной коммуникации»¹.

Поэтика жанра коллективной монографии, с некоторых пор ставшего «трендом» в практике научных изданий, выдержана в книге последовательно и педантично, по крайней мере на внешнем, формальном уровне: имена авторов текстов, составивших книгу, можно найти лишь в «Оглавлении», на обороте шмуцтитула каждой части (всего их три плюс «Приложения») и в разделе «Сведения об авторах» (правда, без приурочения к конкретным текстам). Книга, если судить по внешним признакам, написана одним лицом – коллективом авторов. Собственно, и статей нет – есть параграфы, – во всяком случае так запланировано. Однако «сбой» происходит не на внешнем, а на внутреннем, глубинном уровне. Не говоря о том, что даже М.М. Одесская – не только ответствен-

---

¹ См.: Междунар. конф. «Тургенев в межкультурной коммуникации» // РГГУ : [офиц. сайт]. – URL: <https://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=314661> (дата обращения: 15.11.2021). По итогам конф. тогда же был издан сб. тезисов: Тургенев в межкультур. коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. : сб. тезисов. – Москва : РГГУ, 2018. – 66 с.

ный редактор, но и один из участников сборника – «проговаривается», назвав свой вклад в общее дело – статьей [2, с. 178], неожиданным препятствием на пути авторов монографии становится важнейший принцип отдельности и целостности текстов, сформулированный еще М.М. Бахтиным в работе «Проблема речевых жанров» (1953–1954): границы текста однозначно определяются границами «высказывания» того или иного субъекта речи [1, с. 249–254 сл.], – и преодолеть их, не разрушив самого «высказывания», невозможно. С этой точки зрения в книге не один, пусть коллективный, а 33 автора (по числу статей¹, которые должно именовать параграфами), и у каждого свое лицо, которым он не готов поступиться. Да авторы особенно и не пытались. Оно и к лучшему: у нас есть полное право рассматривать книгу как сборник статей с общей проблематикой. Так мы и поступим.

К. Фурманн в статье «Тургенев как русский европеец», открывающей первую часть книги («Тургенев: Россия и Запад»), делает значимое замечание о том, что все «творчество Тургенева – это *затиски русского европейца*» [2, с. 25], а В. Куденис в продолжающей тему статье «По стопам И.С. Тургенева? Русские писатели в бельгийской эмиграции» дает портрет русской эмигрантской общины в Бельгии, главными чертами которой были «замкнутость умов и сомкнутость рядов» [2, с. 31]. За исключением, пожалуй, одной только З.А. Шаховской, которая в довоенные годы осуществляла связь между русской диаспорой в Брюсселе и в Париже и представителями бельгийской культуры, эта среда являла отрицательный пример отторжения опыта Тургенева как «русского европейца» [2, с. 34].

«Тургенев и Франция» – тема неисчерпаемая, и в монографии она представлена такими достойными «высказываниями», как статьи О.Б. Кафановой, Е.Г. Петраш, Е.Д. Гальцовой и др.

Тургенев был непревзойденным знатоком французской литературы, которому могли бы позавидовать специализировавшиеся на ней русские декаденты 1890-х годов. Почти на его глазах «байронизм 1820–1830-х годов сменился жорж-сандизмом в 1840–1860-е годы» [2, с. 36]; возшла и померкла слава Г. Флобера, расцвел талант Э. Золя и Г. де Мопассана – обоим он горячо поддер-

---

¹ Не считая «Введения» и «Заключения».

живал (несмотря на неприятие художественного метода первого). При этом, как справедливо указывает О.Б. Кафанова («Тургенев в кругу французских литераторов: “любимые” и “нелюбимые” авторы»), он отличал отнюдь не всех – даже те, кто традиционно считались «великими», порой не вызывали у него должного пиетета, – например В. Гюго. Однако публично своего мнения, скажем, по поводу второй части сборника стихов 75-летнего писателя «Легенда веков» (*La Légende des siècles*, 1877) Тургенев не высказывал, предоставляя «слово» другим. Именно он, по мнению О.Б. Кафановой, «побудил Э. Золя написать критическую рецензию на новое произведение Гюго для “Вестника Европы”» [2, с. 42], постоянным сотрудником которого, с легкой руки Тургенева, был (с 1875 г.) французский писатель. Статья появилась сначала в России (и лишь затем во Франции) и имела скандальный успех.

Не слишком чтит он и Бальзака. Скептические оценки того и другого писателя восходят у Тургенева, как считает О.Б. Кафанова, к 1840-м годам – к взглядам В.Г. Белинского, предпочитавшего обоим Жорж Санд. Что уж говорить «о двух Александрах Дюма – отце и сыне» [2, с. 44]? Тургеневу, замечает О.Б. Кафанова, принадлежит словечко «дюмасовщина», которое он использовал в отношении не только старшего, но и младшего писателя. По поводу последнего с Тургеневым солидаризировался и Э. Золя, опубликовавший в «Вестнике Европы» свой иронический отчет о приеме А. Дюма-сына в академию «бессмертных»¹. Пьесам Дюма-сына был посвящен и другой очерк Золя в «Вестнике Европы»², – с ним, как и с первым, русские читатели познакомились раньше французских. О.Б. Кафанова дает разбор острых и содержательных очерков Золя в русском журнале, к которым Тургенев отнесся с полным одобрением. И хотя исследовательница не употребляет этого термина, идея культурного трансфера предносится ее построениям: не самый последний из французских писателей делится своими душевными мыслями (в том числе о России и русской литературе) сначала с русскими читателями и только потом – со своими

---

¹ [Золя Э.]. Новый академик. Прием А. Дюма-сына во Французской Академии. Письмо из Парижа // Вестник Европы. – 1875. – Март. – С. 441–459.

² [Золя Э.]. Парижские письма. XIII. Три страницы из истории современного театра и литературы. «Les Danicheff» – «l'Étrangère» – «M-me Caverlet» // Вестник Европы. – 1876. – Апр. – С. 874–903.

соотечественниками. Это ли не знамение времени? И это тоже – заслуга Тургенева.

О том, насколько вопросы авторского права оставались нерешенными еще в середине XIX в., свидетельствует тот факт, что первое издание «Записок охотника» на французском языке в 1854 г. (пер. Э. Шарьера) вышло не только с изуродованным заглавием, но и без указания имени автора. Согласно издательскому обыкновению, о котором напоминает Е.Г. Петраш («Вклад И.С. Тургенева в решение проблем авторского права»), имя автора переведенного на французский сочинения не могло быть выставлено «ни на титульных листах, ни в предисловиях» [2, с. 51]. Ситуация менялась лишь постепенно. Тургенев немало способствовал этому, пропагандируя русскую литературу во Франции, а французскую в России; благодаря его содействию французский читатель знакомился с переводами сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л. Толстого и др., а русский – Флобера, Золя, Мопассана и др. (особенно уникален случай Золя, с романами которого, согласно договору с М.М. Стасюлевичем, заключенному при участии Тургенева, русский читатель знакомился раньше французского – в 1870-е годы). Всё это, как показывает Е.Г. Петраш, составило предысторию Международного литературного конгресса в Париже, созванного в 1878 г. Обществом французских литераторов для решения вопросов авторского права. Тургенев не только оказался во главе русской делегации, но и был избран вице-президентом конгресса – «вторым лицом после Виктора Гюго» [2, с. 57], который стал президентом. Благодаря Тургеневу до участников конгресса удалось донести особую позицию русской делегации, состоявшую в том, чтобы уменьшить количество «дани», которую должны были платить российские издатели и переводчики французским авторам за право публиковать на русском языке как беллетристику, так и учебную литературу и научные труды. Тщательный анализ прений сторон, проведенный Е.Г. Петраш, помогает лучше понять значение принятых на конгрессе решений для развития образования в России.

Сара Осипов-Чеанг («Тургенев Бориса Зайцева в контексте французских биографий») рассматривает известную книгу Б.К. Зайцева «Жизнь Тургенева» (1932), в 2018 г. переведенную на французский язык, в одном ряду с другими разноплановыми фран-

коязычными биографиями Тургенева: И.Д. Гальперина-Каминского (1901), Э. Омана (1906), А. Мазона (1930), А. Моруа (1931), А. Труайя (1985), – именно на их фоне французский читатель будет теперь воспринимать это классическое русское произведение биографического жанра; а Е.Д. Гальцова («Э.-М. де Вогюэ об И.С. Тургеневе в контексте борьбы между “космополитизмом” и “национализмом” во Франции на рубеже XIX–XX вв.») фиксирует начало «возвратного» движения в истории культурного обмена второй половины XIX в., – возникновения «русской моды», у истоков которой стоял Э.-М. Вогюэ, автор книги «Русский роман» (1886). В отношении Тургенева, чьим учеником он себя считал, Вогюэ поневоле оказывается в роли более удачливого соперника, которому посчастливилось далеко продвинуть дело популяризации русской литературы в странах Запада, чему немало времени посвятил и Тургенев. «Казус», как показывает Е.Д. Гальцова, состоял в том, что бенефициаром русской литературной моды становится сам Вогюэ, а Тургенев остается в тени фигур Л. Толстого и Достоевского. На вопрос – почему так получилось? – не так-то легко ответить, ведь именно Тургенева Вогюэ считал «выразителем “национального гения”» [2, с. 83], «“патриархом” русской литературы» [там же] и «универсальным писателем» [2, с. 88]; творчество Тургенева он противопоставлял зародившемуся как раз в это время французскому декадансу, полемикой с которым «пропитан» [2, с. 88] «Русский роман» Вогюэ.

Несравненно беднее представлена в монографии тема «Тургенев и Германия». Томас Манн так и не написал статьи о Тургеневе, хотя мечтал о такой работе еще в 1914 г., как свидетельствует письмо этого времени А. Элиасбергу, которое приводит И.Б. Томан («Тургенев Томаса Манна»). И гораздо позднее, уже в 1940 г., он называет роман «Отцы и дети» «образцом европейского романа» [цит. по: 2, с. 98]. В книге «Наблюдения аполитичного» (*Betrachtungen eines Unpolitischen*, 1918), где больше всего подступов к тургеневской теме, Т. Манн ищет у русского писателя готовых формул, «которых у него нет и быть не могло» [2, с. 100], для подтверждения своих идей; в результате Аркадий Кирсанов становится более близким немецкому духу, чем Базаров, а Паншин («Дворянское гнездо»), только потому, что он западник, оказывается «беспощадной авторской самопародией» [2, с. 102]. И.Б. Томан

и далее продолжает оспаривать отдельные, несколько упрощенные представления Т. Манна о творчестве Тургенева, к которому немецкий писатель в этой книге обращается за подтверждениями своей мысли о том, что «русские духовно и культурно гораздо ближе немцам, нежели французам» [2, с. 104], но трудно не согласиться с конечным причислением Т. Манном Тургенева к «гётенианским людям», призванным противостоять «готическим людям» – провозвестникам «нового Средневековья» [2, с. 105].

С годами его отношение к Тургеневу меняется: Т. Манн то ставит его ниже Л. Толстого и Ф. Достоевского, то объединяет с Толстым, как в предисловии к «Русской антологии» (1921)¹, то предпочитает им обоим. Очевидно, что, в соответствии с теорией Ф. Ницше, Тургенев «воплощал для него аполлоническое, т.е. гуманное, ясное, разумное, гармоничное начало в культуре» [2, с. 111]. В последнем примечании к статье И.Б. Томан делает оговорку, что не рассматривает «проблему влияния тем, сюжетов и образов И.С. Тургенева на творчество Т. Манна» [2, с. 388]; на ее взгляд, такие сопоставления, как показывает опыт, становятся обширным полем для «игры фантазии исследователя» [2, с. 389] и, как правило, ничего не доказывают. Так ли?

В разные части (I и II) попали статьи, которые объединяет нечто общее: приязнь, соперничество, вражда и литературные сближения Тургенева и Достоевского, как они отразились в их произведениях. В центре внимания Т.С. Карпачевой («Власть квазирелигиозного пророка в осмыслении Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева») – «Хозяйка» (1847) Достоевского и «Странная история» (1869) Тургенева. С точки зрения исследователя, «в обоих произведениях, хотя и по-разному, изображены хлыстовские “пророки”» [2, с. 134]. У Достоевского это – Мурин, у Тургенева – Василий Никитич (Васенька). Оспаривая мнение О.Г. Дилакторской, считавшей, что в «Хозяйке» изображены представители секты скопцов², Т.С. Карпачева указывает на любовную линию, связанную с Катериной, Муриным и матерью Катерины: в скопчестве

---

¹ См.: Манн Т. Русская антология // Манн Т. Собр. соч. : в 8 т. – Москва : ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. – Т. 8. – С. 69–79.

² См.: Дилакторская О.Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского. (К истолкованию повести «Хозяйка») // Philologica. – 1995. – Т. 2, № 3/4. – С. 59–84.

она была бы невозможной. В то же время приметы принадлежности к хлыстовству в поведении Василия (употребление родственной терминологии по отношению к чужим людям; уменьшительно-ласкательные имена; экстатически-заумные пророчества и т.п.) слишком зыбки, чтобы на них можно было опереться. И хотя исследовательницей собран большой материал для подтверждения своей позиции¹, все же ничто не мешает видеть в персонаже «Странной истории» обыкновенного юродивого традиционной конфессии.

Привлекая в качестве «сопоставительного комментария» [2, с. 152] воспоминания А.Я. Панаевой, И.И. Панаева, П.В. Анненкова, Д.В. Григоровича, А.Ф. Кони и других литераторов² о Тургеневе и Достоевском, С.А. Кибальник в статье «Криптографические образы Тургенева в творчестве Достоевского 1860-х годов» приходит к убеждению, что образ Зверкова в «Записках из подполья» (1864) Достоевского – не что иное, как *криптопародия* на Тургенева. Одни и те же цитаты (ценности их подбора мы, впрочем, не оспариваем) повторяются по нескольку раз, в разном применении, что приводит к суггестивному эффекту: начинаешь верить автору даже против своей воли. Согласно С.А. Кибальнику³, в 1860-е годы у Достоевского складывается «криптографическая поэтика» [2, с. 163], другим выражением которой становится образ Бахмутова в «Идиоте» (1868). Это тоже Тургенев, но в несколько ином (смягченном?) варианте. О том, что Кармазинов в «Бесах» (1871–1872) – сатира на Тургенева, давно уже никто не спорит, это как будто ясно, а ведь и в этом позволительно усомниться (даже несмотря на то, что сам Тургенев себя в нем узнал).

Статью И.В. Морозовой «“Путешествие с Тургеневым” Роберта Дессе: к проблеме культурной и писательской самоидентификации» вполне можно было бы отнести и к первой части («Тургенев: Россия и Запад»); то, что она попала во вторую («Проблемы рецепции и интерпретации личности и творчества писателя»), лишний раз доказывает условность распределения материала по

---

¹ См. библиографию в конце книги: [2, с. 392–395].

² См. библиографию: [2, с. 395–397].

³ См. также: Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. – Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2013. – С. 91–141.

рубрикам книги. Австралийский писатель Р. Дессе – наш современник, переводчик на английский произведений Тургенева, Достоевского, Чехова; автор книги «Twilight of Love: Travels with Turgenev» (2004), ради создания которой он посещал тургеневские места Германии, России, Франции. Особенности жанра травелога в интерпретации Р. Дессе определяются «идеей любви как свободы и идеей путешествия как средства самоидентификации» [2, с. 166] (первая из них как будто не имеет отношения к Тургеневу, но австралийский автор думает иначе). Обе эти идеи, как показывает И.В. Морозова, «актуализируют основной дискурс повествования, похожего на квест в поисках “истинного голоса” Тургенева и одновременно самого себя» [2, с. 170].

Анализируя неоконченную книгу Л. Шестова о Тургеневе (1903), выпущенную в 1982 г. издательством «Ардис» под названием «Тургенев» [3], а также высказывания о нем в книге «Апофеоз беспочвенности» (1905), О.М. Табачникова («Иван Тургенев как герой философских эссе Льва Шестова») начинает с утверждения, что «Тургенев для Шестова являет собой пример того, как яд западноевропейской мысли, попав в русскую почву, натолкнулся на внутреннее сопротивление» [2, с. 217], а заканчивает указанием на «сходство с самим собою» [2, с. 226] того портрета Тургенева, который создал философ. Если сравнить с другими портретами русских писателей у Шестова – Достоевского, Толстого, Чехова, то, по мнению О.М. Табачниковой, портрет этот наиболее точен «в плане экзистенциально-психологическом» [там же]. Такая черта Тургенева, как уныние, унылость, – на нее указывает Шестов, – резко отличает писателя и от них, и от Пушкина и Лермонтова, «которые смело и безоглядно ввязывались в схватку (с жизнью. – А. М.), не задумываясь о цене и последствиях» [там же]. Но подчеркивание О.М. Табачниковой (с отсылкой к М. Окутюрье) параллелизма между философским методом Л. Шестова и методом «реальной критики» Добролюбова и Чернышевского, как представляется, все же не вполне правомерно, хотя и остроумно. Так же сомнительны рассуждения об «эстетической глухоте» [там же] философа и припоминание ему направленного против него довода К. Чуковского о невозможности решения «вопросов об искусстве вне эстетики» [2, с. 227].

Реплику Н.Н. Смирновой («Тургеневский индивидуализм в прочтении Льва Шестова и М.О. Гершензона») можно считать прямым продолжением положений статьи О.М. Табачниковой: здесь принцип монографизма соблюдается наиболее наглядно. Даже отсутствие общей посылки (в самом деле, почему Л. Шестов и М. Гершензон, а не Л. Шестов и Д. Мережковский?) побуждает видеть в этом тексте часть некоторого целого вне его. Это, однако, не мешает Н.Н. Смирновой заново и по-своему изложить историю замысла неоконченной книги о Тургеневе, из которого вырос «Апофеоз беспочвенности» (см. выше). В отличие от Льва Шестова, М.О. Гершензон свою книгу о Тургеневе дописал, и книга эта – «Мечта и мысль Тургенева» (1919) – может считаться образцом «целостного, последовательного повествования» [2, с. 230], от которого Л. Шестов отказался (почему, собственно, его книга о Тургеневе и не была закончена). И здесь повод для сопоставления обоих авторов неожиданно находится: «Европейский индивидуализм Тургенева, ставший для Шестова символом абсурда распадающегося на фрагменты твердого мировоззрения, для Гершензона становится обширным полем исследования мировоззренческих вопросов...» [там же]. И все же, как кажется, у Шестова и Гершензона немного точек соприкосновения. Не потому ли Н.Н. Смирнова вводит, уже в последнем абзаце, еще одну фигуру – французского философа Эммануэля Левинаса (1906–1995), который, по ее мысли, близок им обоим...

Среди нескольких текстов, посвященных «Песни торжествующей любви» (они разбросаны по разным рубрикам книги), отметим лишь статью Л.А. Борис «Встреча Запада и Востока в повести И.С. Тургенева “Песнь торжествующей любви”». Нет, казалось бы, в этой повести тем, мотивов и образов, которых по множеству раз не коснулись бы исследователи, начиная со времени ее публикации¹. Не раз затрагивалась и тема Востока. Не потому ли списки литературы у авторов, пишущих о «Песни...», как правило, содержат лишь ссылки на публикации последних лет и

---

¹ См. также наш обзор: Маньковский А.В. «Песнь торжествующей любви» (1881) И.С. Тургенева : новые прочтения. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. – 2022. – № 1. – С. 114–131.

редко идут в глубину¹. Все же Л.А. Борис удалось точно и по-новому очертить границы темы в повести, а ее наблюдение над значением даты MDXLII (1542), стоящей в подзаголовке («год реорганизации инквизиции в Италии, распространения ее на весь христианский мир и организации трибунала в Риме» [2, с. 236]), как будто еще никем не высказывалось.

Третья часть монографии («Тургенев и различные виды искусств») значительно уступает первым двум по объему: в ней всего пять статей. И.А. Рыбко («Франко-немецкий музыкальный театр И.С. Тургенева и У. Шекспира: «Последний колдун»») детально прослеживает судьбу театральных постановок оперетты Тургенева, созданной в соавторстве с П. Виардо (1859; 1864–1867), в XX–XXI вв.; их было всего четыре: по одной – в 1993 и 2005 гг. и две – в 2010 г. (в XIX в. оперетта была сыграна 17 раз, по подсчетам Н.Г. Жекулина²). История обретения оригинального французского текста либретто «Последнего колдуна» была также непростой: достаточно сказать, что в последнем академическом Полном собрании сочинений Тургенева опубликован немецкий перевод пьесы³. То, что на протяжении большой статьи, как признает автор в конце, «речь почти не шла о самом тексте оперетты» [2, с. 304], не кажется серьезным упущением, тем более что он уделяет некоторое внимание разбору шекспировских реминисценций пьесы Тургенева – «произведения с безусловным шекспировским подтекстом» [2, с. 289]. Однако ссылка на вырванное из контекста суждение проф. Э. Смит⁴, переданное следующим образом: «Если именно конкретная постановка дает нам ответы на вопросы, которые ставит пьеса, то медленное чтение текста пьесы теряет свою значимость» [2, с. 304], – представляется ненадежным оправданием. Особенно в тесном соседстве (на одном развороте) с другим автором – М.-К. Отан-Матье, которая практически начинает свою статью о «Месяце в деревне» Тургенева риторическим возгласом:

---

¹ См. библиогр. к ст.: [2, с. 407].

² См.: Žekulin N.G. The story of an operetta : 'Le dernier sorcier' by Poline Viardot and Ivan Turgenev. – München : Verlag Otto Sagner, 1989. – P. 151.

³ См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 12 т. – Москва : Наука, 1986. – Т. 12. – С. 44–84.

⁴ Ср.: Smith E. The Cambridge introduction to Shakespeare. – Cambridge : CUP, 2007. – P. 26.

«Сколько драматургов не узнали свои произведения после того, как они были поставлены на сцене?» [2, с. 305].

В фокусе внимания А.О. Сопина («И.С. Тургенев и советское кино 1970-х годов») история экранизаций произведений Тургенева с конца 1960-х до начала 1980-х (эпоха «застоя»): «Первая любовь» (1968) В. Ордынского, «Дворянское гнездо» (1969) А. Михалкова-Кончаловского, «Месяц в деревне» (1973) Е. Еланской, «Возвращение» («Два приятеля») (1975) П. Резникова, «Степной король Лир» (1976) А. Васильева, «Гамлет Щигровского уезда» (1975) В. Рубинчика, «Фантазия» («Вешние воды») (1976) А. Эфроса, «Рудин» (1976) К. Воинова, «Ася» (1977) И. Хейфица, «Бирюк» (1977) Р. Балаяна; наконец, «Отцы и дети» (1983) В. Никифорова. Вехи истории советского кино – это и вехи биографии людей старшего поколения, теперь уходящего из жизни. Но молодым – надо объяснять...

Развивая типологию изобразительной интермедальности, в частности различных видов экфрасиса, применительно к тургеневской прозе, В.А. Доманский («Изобразительная интермедальность произведений И.С. Тургенева») сосредотачивается на искусстве Тургенева-пейзажиста в «Записках охотника». Введенный им в литературу среднерусский пейзаж («...не что-то экзотическое, а привычные, обыденные уголки природы...» [2, с. 325]) дает возможность сопоставить писателя с барбизонцами, которые были его любимыми художниками. Автор проводит параллель между чередой сменяющих друг друга пейзажей в «Бежине луге» (1851) и картинами К. Коро «Утро» (1865), «Лес в Фонтенбло» (1846), «Вечер» (1860), убедительно подчеркивая общие темы, мотивы, приемы, образы.

В рубрике «Приложения» – несколько текстов смешанного жанра. Г.Л. Медынцева в посвященной памяти легендарного сотрудника ГЛМ Анны Рудник статье («От 150-летия к 200-летию: Юбилейные выставки Тургенева в Литературном музее (ГЛМ)») рассказывает о выставочной деятельности Гослитмузея – обладателя одной из богатейших тургеневских коллекций. За 50 лет – 10 выставок. Вот наиболее значительные: «Тургенев и русская литература» (1968), «Посол от русской интеллигенции» (1993), «Русский скиталец» (2008), «Среди людей мне близких и чужих» (2013), «Арабески. Страницы жизни Ивана Тургенева» (2018). Последняя,

итоговая, развернутая в залах Дома И.С. Остроухова в Трубниках, представляла собой «автопортрет коллекции» [2, с. 348] музея и, возможно, чем-то напоминала визуальный роман, но такой, который можно читать с начала и с конца, перечитывая по несколько раз и обретая новые смыслы.

Наиболее любопытное из «Приложений» – заметка проф. М. Юнггрена (перевод со шведского М.Б. Людковской) «Неизвестный рисунок Ивана Тургенева»; здесь впервые публикуется шуточный карандашный портрет воображаемого будущего мужа шведской ученицы П. Виардо Шарлотты Валентин (1848–1930), которая дружески общалась с Тургеневым в 1870-е годы. Но замуж она так и не вышла.

Как и всегда в подобных случаях, богатство содержания книги раскрыто нами лишь отчасти в рамках небольшого отзыва. Вопреки сказанному в самом начале, анализ конкретных статей, составивших сборник (или, если угодно, коллективную монографию), обнаруживает внутренние связи между ними и даже некоторую целостность. Может быть, это и замечательно, что тексты не были вышколены до уровня стилистического и идеологического единства академической монографии советских лет: такая пестрота, оставляющая каждому автору «лица необщее выраженье», гораздо ближе нашему времени.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества : [сб. избр. тр.] / [Прим. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова]. – Москва : Искусство, 1979. – С. 237–280.
2. Тургенев : на перекрестке эпох и культур : [кол. монография] / отв. ред. М.М. Одесская. – Москва : РГГУ, 2021. – 439 с.
3. Шестов Л.И. Тургенев. – Ann Arbor (Mich.) : Ardis, 1982. – 134 с.